

паншомнами. Сей праздникъ составивъ эпоху въ Арзеру-
мъ. — Не принадлежишь ли се событіе къ лучшимъ побѣдамъ,
одержаннымъ Русскими войсками? Крошкѣ и снисходи-
тельнымъ обхожденіемъ, они заслуживаютъ до такой сте-
пени приверженность и довѣріе побѣжденныхъ, что угрю-
мые и ревнивые Азіяты, въ угожденіе имъ, рѣшаются
осуществить ошъ своихъ обычаевъ и ошъ предразсудковъ,
вѣками укоренившихся между ними.

ПИСЬМО ИЗЪ КИЗЛЯРА.

Наконецъ желанія наши совершаются: въ Кизлярѣ, од-
номъ изъ многочисленныхъ городовъ Кавказской Области, гдѣ
крошъ уѣзднаго училища не было другаго заведенія для
образованія юношества, происходило торжественное от-
крытіе Благороднаго Пансіона, учрежденнаго Г.г. Арзаневи-
ми. Въ 17-й день Ноября юношество, получившее уже нѣ-
кошорыя пригласительныя наставленія для воспитанія
въ семъ пансіонѣ, въ сопровожденіи родителей и другихъ
почетныхъ особъ, по выслушаніи литургіи, возвратилось
въ домъ пансіона, гдѣ Викарнымъ Архимандритомъ Асва-
цатуромъ совершенно было молебствіе за здравіе Государя
Императора и всей Августѣйшей Фамиліи и произнесена на
Армянскомъ языкѣ приличная сему случаю рѣчь.

Въ шестъ же день, въ 3 часа по полудни, Дворяне и
почетные Граждане собрались опять въ домъ пансіона и
въ присутствіи Г.г. Областнаго Маршала, Дворянства, Ок-
ружнаго Начальника и Коменданша, Почетныхъ Смошри-
телей Кизлярскаго, Спавропольскаго и Георгіевскаго уѣзд-
ныхъ училищъ, начался торжественный актъ открытія Сим-
фонію: Царю Небесный и рѣчь на Россійскомъ языкѣ,
произнесенною Содержателемъ пансіона Яковомъ Арзано-
вымъ: о пользѣ знанія Армянскаго языка. Послѣ че-
го испытываемы были дѣши въ Капехизисѣ, Всеобщей Ис-
торіи, Географіи, Спашисникѣ, Арифметикѣ, и въ языкахъ
Россійскомъ, Армянскомъ, Латинскомъ и Французскомъ
шолько, сколько успѣли пройти со времени утвержденія
сего пансіона Училищнымъ Комитетомъ Императорскаго
Харьковскаго Университета. За симъ произнесена была рѣчь
на Россійскомъ языкѣ Г. Содержателемъ пансіона Давидомъ
Арзановымъ: о вліяніи просвѣщенія на благососто-
яніе политическихъ обществъ. По окончаніи сей рѣ-
чи хоръ цѣвчихъ провозгласилъ многія лѣта Государю
Императору и всей Августѣйшей фамиліи, а спашій уче-
никъ говорилъ на Французскомъ языкѣ, приѣшественную
рѣчь Господамъ посѣшителямъ.

Наконецъ присутствовавшіе при испытаніи разсматривали
прописи, чертежи и рисунки воспитанниковъ, а Г. Обла-
стной Маршалъ Дворянства Спашскій Совѣтникъ Росно-
вановъ, награждалъ ошачившихся на испытаніи учениковъ
похвальными листами, свидѣтельствами и книгами.

Торжество сіе заключилось баломъ. Въ шестъ вечеръ
домъ пансіона былъ иллюминированъ.

На шестій день послѣ открытія, по случаю торже-
ства всшупленія на Всероссийскій Престолъ Государя Импера-
тора, благородный пансіонъ Арзановыхъ, въ изъявленіе
благоговѣнныхъ чувствованій къ Августѣйшему покрови-
телю наукъ, приглашалъ на балъ и ужинъ Кизлярское Дво-
рянство и почетныхъ гражданъ. Домъ, въ коемъ помѣ-
щается сіе заведеніе былъ освѣщенъ и украшенъ цвѣтами
съ вензелями Государя Императора и Государыни Импе-
ратрицы.

Въ сей вечеръ заведеніе получило нѣкошорыя пожер-
вованія въ пользу библіотеки.

Н Р А В Ы.

Н а х о д к а.

Нынѣшнею осенью, возвращаясь послѣ неболь-
шаго путешествія, я опдѣлился ошъ повари-
щей, чшобъ крашчайшею дорогою скорѣе по-
пѣшь въ Тифлисѣ. Я вѣхалъ, по здѣшнему обык-
новенію, верхомъ и довольно шибко. Лошадь
моя осшупилась и мнѣ показалось, что подѣ
ноги попалось ей что шѣ мягкое. Любопыт-
ство засшавило меня ошпансвишься, я слезъ
и поднялъ преогромный запечатанный пакетъ
сѣ слѣдующею Французскою надписью: Pot
Rouge; шѣ ешъ: подросту сказашъ по-Русски,

Всякая всячина. Долго поворачивалъ на всю
спороны свою находку и любопытство сильно
меня искушало раскрыть ее, но удерживало
швердо сѣ малошлства внушенное правило:
не нарушашъ гужой тайны. Правило священное,
но рѣдко соблюдаемое въ свѣтѣ! Нарушеніе
чужой шайны ешъ самое неблагогородное поку-
шеніе на чужую собственность. Кто безѣ со-
гласія хозяина прочешѣв нечаянно попавшееся
ему въ руки письмо, шотѣ, по моему мнѣнію,
хуже пошупаетѣ, чѣмъ присвоевающій сѣбѣ
найденную имъ чужую вещь, коей владѣлецъ
ему извѣстенъ. Сей послѣдній вредъ всегда мо-
жетѣ быть исправленъ, первый никогда. Какѣ
часто многіе, если было бы возможно, согла-
силисьбы заплашисъ дорогую цѣну, чшобъ ис-
куписъ семейственную шайну, похищенную у
нихъ неумѣштнымъ любопытствомъ.—

Прекрасныя правила! Но каково будешѣ
удивленіе моихъ читашелей, когда узнаютѣ,
что я самъ нарушилъ оныя. Впрочемъ не со-
мною первымъ, не со мною послѣднимъ слу-
чаешся говорисъ и пишешъ одно, а дѣлаешъ дру-
гое. По крайней мѣрѣ я имѣю по достоинству,
что чистосердечно, письменно и печашно, соз-
наюсѣ въ своей виѣ: достоинство, которое
безѣ сомнѣнія рѣдко, особенно въ писателѣ.—
Но, при всей ошкровенности подобнаго озна-
нія, не могу по человѣческой слабости не при-
несши нѣкошорыхъ извиненій въ свою пользу.
Цѣлые при мѣсяца, послѣ моего прѣѣзда, на-
ходка моя лежала предо мною на моемъ пись-
менномъ столѣ. Ежеминутно бросалъ я на
нее взоры исполненные любопытства. Во все
эшо время ждалъ я, (хотѣя и не желалъ), чшобъ
вызвался хозяинъ. Приходившіе ко мнѣ прія-
тели, не менѣе меня желавшіе узнать содер-
жаніе сей находки, увѣщаніями и даже ко-
ми насмѣшками спарались уничтожисъ во мнѣ
шо, что они называли слишкомъ упомчленною
воздержностью.—Насмѣшки весьма часто въ об-
щественной жизни бываюшѣ дѣшшительные
всякаго убѣжденія, и нерѣдко служашѣ главною
причиною нравственнаго направленія нашего
къ добру или ко злу. Пришомъ кто не испы-
шалъ какѣ шрудно прописишься искушенію,
кошорое безпрешанно намъ предшавляетѣся.
Не знаю самъ какѣ пакетъ попался мнѣ въ руки
въ минушу забывчивости. Я сломалъ печашъ,
ошпановисъ въ изумленіи, что могъ рѣшисъ
ошсшуписъ ошъ своихъ правилъ; но, какѣ
давно говорисъ въ свѣтѣ, шруденъ шолько
первый шагъ. Разкрывъ пакетъ я пробѣжалъ
жадными взорами шо, что въ немъ содер-
жалось. Въ довольно толстую шепрадь вписано
было, по видимому все; что, попадаясь подѣ
руки хозяину оной, казалось ему достойнымъ
какого нибудъ вниманія. Чего шумѣ не было и
прозою и сшхами: оспрошы, каламбуры, анек-
доты, ошрывки изъ писемъ, ошсанія, по-
вѣштованія, кришисы на нравы и проч. и проч.
Пробѣгая сію шепрадь не шрудно было замѣ-
шисъ, что многіе изъ ошрывковъ, содержащих-
ся въ оной, заслужили вниманіе собирателя
дѣшшительнымъ достоинствомъ, а другіе за-
бавною странностью. Въ числѣ первыхъ, изъ
коихъ большая часть писана самимъ хозяи-
номъ находки, ешъ довольно занимательные,
и я убѣдился въ шомъ, что читашели наши не
безѣ удовольствія увидяшѣ ихъ въ Тифлис-
скихъ Вѣдомостяхъ.

Я обрадовался сей находкѣ, какѣ истинно-
му кладу. Тѣмъ болѣе, что въ шоме время до-
шла до моего свѣденія жалобы нѣкошорыхъ
изъ читашелей на однообразіе Тифлисскихъ

Вѣдомостей, которыя, по ихъ мнѣнію, приняли шонѣ слишкомъ ученый и не удовлетворяющій любителей легкаго чтенія. Повинуясь общей участи журналистовъ, спарашься по мѣрѣ возможности, угождашь всѣмъ и каждому, участвующіе въ моихъ трудахъ одобрили мое мнѣніе помѣщать на будущій годъ въ нашей газетѣ новый разрядъ спашей, которыя будутъ выходить подъ заглавіемъ: Отрывки изъ Находки. Прибавляемый нами номеръ къ нашему изданію даетъ намъ возможность къ сему разнообразію; тѣмъ болѣе, что какъ сей новый листъ будетъ издаваться преимущественно для Русскихъ жителей Кавказскаго края, для коихъ близко къ сердцу все напоминающее имъ не только о любезномъ опечесствѣ, но и объ Европѣ вообще, то мы не будемъ ограничиваться въ выборѣ спашей изъ Находки тѣмъ только, что опносятся до здѣшняго края и дозволимъ себѣ заимствовать вспрѣчающимися въ оной отрывками, коихъ мѣсто-дѣйствія представлено въ Россіи.— Дабы познакомить нашихъ читателей съ находкою мы помѣщаемъ здѣсь одну спашью изъ оной. П. Санковскій.

Знатокъ.

(Отрывокъ изъ Находки).

Я ѣхалъ на службу въ Грузію, и надолго оставялъ благословенную Россію. Тяжкое чувство разлуки съ опечесствомъ заставляло меня какъ можно болѣе длить время моего путешествія. Я ѣхалъ и не ѣхалъ: побывалъ у родныхъ; гостилъ на прощанье у родственниковъ, ближнихъ и дальнихъ; пользуясь Русскимъ радушіемъ и хлѣбосольствомъ заворачивалъ по дорогѣ къ знакомымъ и незнакомымъ, и наконецъ по рекомендацельному письму и разнымъ порученіямъ остановился у Графа ***, знатнаго помѣщика, општатнаго бѣгашаго вельможи, спокойно проживавшаго општатокъ преклонныхъ лѣтъ въ пышныхъ своихъ вощинахъ.

Слѣдующій день послѣ моего прѣзда былъ праздничный; къ Его Сіятельству навхала пуча гостей: чиновниковъ изъ ближайшаго Губернскаго города и помѣщиковъ изъ соседственныхъ деревень.—Предъ обѣдомъ, вошедъ въ залу, я засталъ множество народа, ожидавшаго возвращенія хозяина, который съ утра уѣхалъ въ городъ. Общее вниманіе обращено было на портретъ, который стоялъ безъ рамки на одномъ изъ ломберныхъ столовъ, прислоненный къ стѣнѣ. Портретъ сей изображалъ Генерала **, ближняго родственника Графа. Очки и лорнеты разнаго рода, начиная отъ самыхъ новомодныхъ, до тѣхъ, которыя угругостию своею немилосердно прижимаютъ носъ нашихъ старинныхъ стариковъ, направлены были на сіе новое произведеніе живописи. Взоры присуществовавшихъ обращались попеременно то на портретъ, то взаимно другъ на друга и казалось каждый выжидалъ мнѣнія другаго, чшобъ по оному соразмѣрять собственное свое сужденіе.

Между присуществовавшими опличался своею вершлявостію и всеобщимъ пожиманіемъ рукъ молодой человекъ лѣтъ двадцати двухъ или шрехъ. Сей юноша, дальнимъ какъ-то родственникъ Его Сіятельству, съ десяти лѣтъняго возраста былъ записанъ въ службу, и щитался при Губернскомъ Правленіи въ числѣ припашателей на чины, а въ домѣ Графа въ числѣ своихъ. Подобные люди полагаютъ всю важность своего существованія въ томъ, чшобъ знать малѣйшія подробности домашняго бы-

па своихъ паптроновъ. Постороннія особы, имѣющія надобность въ ихъ покровительствѣ, обращаются къ нимъ какъ къ домашнимъ орaculaмъ. Въ настоящемъ случаѣ сей домашній всевѣдѣ оплошалъ: онъ самъ тогда только въ первый разъ замѣтилъ новый портретъ, какъ вошелъ въ залу. При вопросѣ кто писалъ оный, спыдся показашь свое невѣденіе, онъ рѣшительно опвѣчалъ, что это произведеніе домашняго живописца Его Сіятельства.

Коль скоро производитель сдѣлался извѣстнымъ, мнѣніе присуществовавшихъ на счетъ произведенія приняло рѣшительный оборотъ. Всякій не запинаясь произносилъ свой приговоръ, какъ знатокъ въ живописи. Сначала, по уваженію тому, что дѣло шло о малярѣ Его Сіятельства, строгое судилище выпустило нѣсколько одобригельныхъ словъ въ пользу художника: говорили, что прѣмѣшны въ немъ способности, что онъ подаетъ хорошія надежды, что нѣкоторыя частіи довольно щцашельно опдѣланы; иные не усумнились даже поставитъ его на ряду съ извѣстнымъ домашнимъ живописцемъ одного помѣщика, пріобрѣтшемъ большую славу списываніемъ портретовъ во всемъ околдкѣ. Послѣ того спаша сожалѣлъ, что слишкомъ рано взялъ онъ въ деревню, что не дали ему усовершенствоваться. Наконецъ знатоки пустились въ кришкы, кошерой представлялось обширное полѣ, ибо портретъ былъ во весь ростъ. Прежде всего напали на сходство.—„Правда, говорилъ одинъ, съ перваго взгляда ещѣ что-то шакое:—но куда! Далекое не похоже.“— Другой напрошивъ утверждалъ, что съ перваго взгляда нѣтъ сходства, а какъ всмопрись, то привыкаешь находить оное; но что это только дѣйствіе воображенія.—„Да, подхватили насмѣшливо нѣсколько голосовъ, можно догадаться, что живописецъ хотѣлъ изобразить Генерала**.“ Попомъ кришкы распротранилась на всѣ части лица и шѣла, на шитье, на одежду, на обувь и на конецъ на второсшепенные предметы: на лазурь неба, на облака, на грунтъ земли, на деревья и проч. Всѣ сіи сужденія приправлены были нѣсколькими шехмическими выраженіями, и въ заключеніи рѣшено, что живопись никуда не годится.—И въ самомъ дѣлѣ, что можешь сдѣлать порядочнаго Русскій и припомъ же крѣпостной человекъ!

Между тѣмъ вошелъ въ комнату молодой человекъ лѣтъ шридцати пяти, довольно хорошо образованный, какъ я узналъ послѣ, рисующій самъ и имѣющій дѣйствительно понятіе о живописи. Онъ долго въ молчаніи слушалъ всѣ шумныя сужденія мнимыхъ знатковъ. Вышедъ изъ терпѣнія:—„Помилуйте Господа, сказалъ онъ, разсмапрывая внимашельно портретъ, что вы находите дурнаго въ сей живописи; я напрошивъ, чѣмъ болѣе въ нее всмапрываюсь тѣмъ болѣе открываю достоинствъ, и совершенно увѣренъ, что это не можешь быть иначе, какъ произведеніе искуснаго художника.“—„Такъ извольте же знать, Милосшивый Государь, воскликнули вдругъ съ шумнымъ ироническимъ восторгомъ нѣсколько голосовъ, что это не что иное, какъ произведеніе домашняго маляра Его Сіятельства.“—„Не можешь быть, опвѣчалъ онъ съ увѣренностью, свойственною истиннымъ познаніямъ, это кисть не маляра,„. И спашъ приводитъ доказательствъ, изъ коихъ ясно было видно, что искусство живописи ему нечуждо на опышѣ, Но всѣ мнимые знатоки вооружились противъ истиннаго. Каждый изъ присуществовав-

шихъ говорилъ смѣло и чѣмъ безтолковѣе, тѣмъ громче. Не трудно было замѣтить изъ ихъ рѣчей, что они не имѣли ни малѣйшаго понятія о предметѣ, о коемъ шари рѣшились давать свое мнѣніе. Но, какъ утверждали свѣтскіе софисты, это вещь необходимая въ общественной жизни: если бы всякъ говорилъ только о томъ, о чемъ имѣетъ почтенныя свѣдѣнія, то въ бесѣдахъ было бы меньше болтливости, меньше разнообразія. Часто шомъ, кто смѣлилъ, принужденъ молчать предъ невѣждами. Это тоже необходимо въ свѣтѣ. — Такъ случилось и на сей разъ: толпа брала большіе шумъ голосовъ и заглушала скромныя доказательствя истиннаго знамока, который вынужденъ былъ оставить прѣвіе, видя, что оное доходило до колкостей.

Вскорѣ прѣхалъ хозяинъ и послѣ обыкновенныхъ привѣтствій первые слова его были: „каковъ поршрешъ?“ — Св подобострашною ужимкою одинъ изъ госпей, наиболѣе кришковавшій оныи, ошепствовалъ: „Дозвольте по-рядочный, Ваше Сіятельство!“ — „Какъ порядочный! Надѣюсь превосходный: это произведение слазнаго Дова.“ — Тщешно спану изображаніе впечатлѣніе, которое произвело сіе громовое слово надъ мнимыми знамоками. Ихъ вышнущіи лица, ошвершые рты, выпученные глаза, озадачили самаго хозяина, который не зналъ, что передъ тѣмъ происходило. — Однако изумленные кришкы мало по малу спали выходили изъ шого оцѣвѣнія, въ которое вертнуло ихъ имя знаменитаго художника. Тогда пришла моя очередь дивиться превращеніи человеческихъ сужденій. — „Я, разсуждалъ о сходствѣ, сказалъ одинъ изъ озадаченныхъ знамоковъ, но я Генерала* * шари давно не видалъ; а о работѣ чшо и шолковать: св первого взгляда видно ея превосходство.“ — „Я, возражалъ другой, находилъ только, что положеніе лѣвой руки не со всѣмъ правильно, и въ шомъ конечно всякъ со мною согласится; а что живопись ошличная, надо не имѣть глазъ, чшобъ этого не видѣть.“ — „Я говорилъ прѣвій, сдѣлалъ только свое замѣчаніе на счетъ неба; извѣстно, что Довъ побочными предметами самъ не занимается.“ — „А я, присовокупилъ изъ толпы слабый униженный голосъ, но простираю своего сужденіе далѣе саперъ: до нихъ шо вѣрно нисъ Дова не унижалась.“ — Наконецъ одинъ изъ нихъ, какъ говорится, нашелся, и вывелъ всѣхъ изъ затрудненія. — „Да пошюйте, Господа, воскликнулъ онъ, не мудроно, что мы не могли видѣть всю красоту сей живописи; поршрешъ не шари спомѣть, — свѣтъ на него неправильно ударяетъ. — Вотъ видѣте теперь какой эффектъ? Какъ ошличаются всѣ шѣни? Какъ ясно является великое произведение Генія!“ — „Да! въ самомъ дѣлѣ! Подхватили нѣсколько голосовъ. Чшо значить въ живописи свѣтъ! О! свѣтъ великое дѣло!“ — Сей предлогъ былъ наибъ условленный знакъ, по которому несчастные цѣнишеля искусствъ пустили хвалить живопись спомѣже неумбрено и безразборчиво, какъ за нѣсколько минутъ охуждали оную.

О знамоки! знамоки! Подумалъ я, покачавъ головою, и внесъ сіе произшествіе въ свою памятную книжку. Въ послѣдствіи я спалъ замѣчать, что въ свѣтѣ есть во многихъ родахъ подобіе сихъ знамоковъ: самый многочисленный разрядъ составляютъ словесные литературные кришкы. Въ сей разрядъ входятъ все, что только разбираетъ *Азъ ошъ Буки*; а шѣ изъ нихъ, которые знаютъ гдѣ въ право-

писанія помѣстить букву ъ, произносятъ окончательный приговоръ. Сии послѣдніе часто къ невѣжеству и неспособности относятся; но обѣ нихъ лучше молчаніе (*).

(*) О. В. Булгаринъ сдѣлалъ подробное изчисленіе словеснымъ Литературнымъ критикамъ въ своей спашѣ. Овъ Исторіи Русскаго Народа, Издаваемой Г. Нолемъ См. No 129 Сѣверной Пчелы нынѣшняго года.

Люди еи сунъ:
„Тѣ, которые всю жизнь собираются бытъ Авторами, и не пишуть по ихъ словамъ, за недосугомъ, а въ самомъ дѣлѣ ошъ лѣни и по неспособности.“

„Тѣ, которые все браняшъ, для шону, чшобъ показашъ, что они имѣють очіщенный вкусъ и высія прѣвожанія“

„Та часть публики, которая не любитъ спашей оправахъ, и всего сатирическаго, и ненавидитъ Васю И. А. Крылова: Сурокъ и Лисца, гдѣ говорится о Пушки на рыльцѣ“

„Многочисленный разрядъ благопріобрѣтающихъ себя искусство, которые авторскую тяжкую работу привыкли почишашъ бездѣльемъ, и не могутъ безъ досады видѣть, что Авторъ не умираетъ съ голоду. Наконецъ друзья всѣхъ сихъ лицъ, родшвенники, кліенты, подчиненные и прочіи люди, которые, подобно Молчалиу (въ Гарѣ ошъ ума)

„Не могутъ смѣть

Свое сужденіе имѣть“

Прим. Изд.

ОБЪЯВЛЕНІЕ ОТЪ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

Въ слѣдшіе Высочайшаго Его Императорскаго Величества повелѣнія, Господа Сенаторы Графъ Кушайсовъ и Мечниковъ, приступая къ обрѣвизованію за-Кавказскаго края, назначили у себя пріемными дѣлами вторника и Пятницу. Почему всѣ имѣющіе до нихъ надобность, какъ по казеннымъ такъ и по частнымъ дѣламъ, могутъ являться для объясненія и подачи просьбъ ежедневно въ означенные дни въ часъ по полудни. Въ случаяхъ же не терпящихъ отлагательства, представляемыя бумаги будутъ приниматься во всякое время.

Его Сіятельство Графъ Павелъ Ивановичъ Кушайсовъ имѣетъ шительство на Александровской площади, въ домѣ Тифлискаго Гражданина Бабаносова; а Его Превосходительство Енграфъ Ильичъ Мечниковъ на той же площади, въ домѣ Матора Шмемше.

НАБЛЮДЕНІЯ ПОГОДЫ ВЪ ТИФЛИСѢ.

1829 года	Декабря	Барометръ Парижскій 140 Реом.	Термометр. Реомюръ.	Состояніе атмосфер.
18 Среда	Утро	27°, 15	-2, 5	Ясно и шико
	Полдень	27°, 13	+5,	
	Вечеръ	27°, 11	-0, 5	
19 Четвертъ	Утро	27°, 14	-1	Тихо и облачн.
	Полдень	27°, 11	+4	
20 Пятница	Утро	27°, 06	+0, 5	Тихо и ясн. пасмурно и вѣтр. SW
	Полдень	27°, 09	+5	
21 Суббота	Утро	27°, 11	+3	Пасмурн. вѣтр. NO.
	Полдень	27°, 24	+3, 5	
22 Воскрес.	Утро	27°, 30	+1	Ясно и шико
	Полдень	27°, 35	-1	
23 Понедѣльн.	Утро	27°, 38	+4	Ясно съ вѣтр. NO
	Полдень	27°, 57	+1, 5	
24 Вторникъ	Утро	27°, 53	0	Ясно съ вѣтромъ
	Полдень	27°, 43	-0, 5	
	Вечеръ	27°, 36	+2	
	Вечеръ	27°, 32	+1	

ДЕНЕЖНЫЙ КУРСЪ ВЪ ТИФЛИСѢ, 26-го Декабря.

	Самый высшій.		Самый низшій.	
	чер.	серебр. руб. гол.	чер.	серебр. руб. гол.
Сторублевая ассигація				
— на серебр.	27	10	—	27 5
— на Голандск. чер.	4	—	4½	—
Голандск. чер. на сер.	—	2	98½	—
Имперіалъ	—	10	30	—
Полуимперіалъ	—	5	15	—